

Пока официантки смывали с пола кровь и расфасовывали по мусорным мешкам разломанные кости и мясной фарш, довольные гости, освобождая зачищаемое место преступления, потянулись к выходу. Я тоже помог в расстановке столов на прежние места, а когда Эл, высветив на дверях надпись «технический перерыв», вернулась за стойку, последовал за ней и занял своё любимое место.

— Надеюсь, я... — хотел сказать традиционно-шаблонную фразу «не слишком помещал?», но поняв, что единственный правдивый ответ будет положительным, на ходу перестроился и продолжил, — не помешал чему-то важному?

— Если не считать собрание гоморрского клуба малых тёмных форм важным, то нет. — Эл взяла в руки чашку, которую я машинально вернул на стойку, после выстрела, понюхала её и поморщилась. Да, я подозревал, что нож отравлен. Где он, кстати?

— Чего ты вертишься?

— Ищу нож.

К нам подходит кукла и кладёт на стойку эльфийский разбойничий нож с зазубренным лезвием. На чёрном металле почти не видны маленькие отверстия на толстом обухе, заполненные капельками яда.

— Тебе он нужен?

— По правилам всех уважающих себя некромонгеров, трофеи принадлежат убийце.

Эльфийка кивает, аккуратно заворачивает лезвие в тряпочку для ритуальной протирки рабочего места и убирает нож под стойку. Туда, где у всякого нормального бармена лежит личный арсенал.

— Что такое малые тёмные формы?

— Рассказы в жанрах традиционных ужасов, квантовой мистики и тёмного фэнтези.

— Оу! Я и не знал, что у нас такое есть. И давно ты состоишь в этом почтенном обществе?

— Оно образовано недавно. Как и клубы по рандомным шахматам, шашкам, покеру и ещё десятку легализовавшихся тайных обществ любителей настольных игр.

Приняв решение, Элая выкидывает чашку в утилизатор.

— Только сегодня слышал, как дварфы обсуждали возрождение своей древней национальной игры. Мы что, переживаем ренессанс до-квантовой культуры?

— Ты как всегда не в курсе... — Эл достала новую чашку, — на форуме Тамагочи опубликовали слив о запуске закрытого бета-теста нового эволюционного Плана Квантума. Он пройдёт в тысячном мире и чтобы попасть на него нужно или достать жетон эволюции, или быть первым в одном из официальных имперских рейтингов.

Вероятность найти жетон, не состоя в руководстве большого клана, сильно зависит от удачи. А пробиться в топы существующих рейтингов просто невозможно. Вот умные люди спешно и создают новые.

Последний из зарегистрированных, рейтинг мастеров чайной церемонии. Хотя во всей обитаемой галактике не больше десяти человек вообще знают, что это такое и как оно выглядит. Зато даже в Имперской военной академии Шико Первого создали клуб чайной церемонии и пригласили в него эксперта по истории древней Азии.

Так что, да, это ренессанс древней культуры. Остаётся надеяться, что он продолжится дольше, чем будет проходить этот тест.

— Круто! А можно мне прислать свой рассказ на конкурс? Он будет темнее, чем шоп негра!

— Теперь я должна буду спросить, что такое шоп и какое отношение он имеет к древнему расовому ругательству? — передо мной снова ставится чашка с ароматным кофе, — ты начнёшь рассказывать какую-то древнюю историю и уйдёшь от разговора о боевой марионетке в теле эльфийского киллера?

— А чего тут уходить? — пробую кофе. Он божественен. — Всё и так ясно. Кроме того, почему ты решила, что эльф, которого использовали как мясной костюм был киллером? Неужели марионетка не могла сама достать подходящий по антуражу нож?

— Давай, проверим, — Эл открывает на стойке окно форума Тамагочи на странице охотников за головами. Копирует в окно поиска изображение эльфа с камеры над стойкой. Через секунду открывается страница с его фото и личным делом. — Награда за голову двадцать тысяч кредитов, — читает вслух (мне вверх ногами неудобно), наёмник третьей категории. Мелкота, — делает вывод тёмная эльфийка. — Я бы на месте марионетки наняла первого попавшегося наёмника в зоне досягаемости, а потом использовала его как маскировку, чтобы добраться до цели.

— И после убийства, любое расследование выведет на него. Но к тому времени от засветившегося мясного костюма марионетка уже избавится. Полиция квалифицирует дело как обычное заказное убийство, и никого не будет беспокоить. Логично.

— Ты знаешь, кого она бы побеспокоила, если бы мы передали ей кадры с марионеткой?

— Барону Субботу.

— Тогда, лучше будет запись уничтожить. Чем ты ему помешал?

— Ограбил. На мешок алмазов. Кстати, можешь помочь реализовать через тёмный аукцион?

— Кажется, я начинаю вспоминать одно обещание, на сей счёт?

— Об этом не беспокойся! Лучший ювелир Медной горы уже приступил к работе и скоро вышлет тебе свой лучший бриллиант.

— Тогда отдашь пять процентов на развитие Тёмной демократии. Сколько там всего?

— Девять тысяч пятьсот камней. Давай округлим твою долю до полутысячи.

— Ты не знал? Алмазы продаются по весу. Давай сюда, — окно магазина киллеров сменила заставка ярмарки котят.

— Я слышал, — приставляю к окну свой браслет и наблюдаю, как у чёрного длинноухого котёнка в правом верхнем углу возникает счёт: 6720 карат/9500 камней, — что в до-квантовые времена котята правили Интернетом.

— Мы проходили теорию эволюцию мемов в школе, но ты, как обычно предпочёл добывать информацию самостоятельно. Лучше скажи, пока ждём, что там было тёмного у негров.

— Была такая картина художника Альфонса... кажется... Алле. «Битва негров в пещере глубокой ночью». Она представляла собой чёрный прямоугольник и была самым тёмным произведением искусства до того, как её не сплугиатил некто Казимир Малевич, «создавший», — голосом выделяю кавычки, — чёрный квадрат, примитивно названный им Чёрным квадратом.

Но, поскольку квадрат лучше входил в обывательское коллективное бессознательное наших неграмотных предков, чем сложный прямоугольник, иконой стиля стал именно Малевич. Хотя некие расисты утверждали, что всё дело в национальной идентичности художника...

— Я слышала только о гендерной идентичности. Да и то, это понятие стало неактуальным после первой волны космической экспансии.

— Да, весёлое было время. Если бы тогда с Земли на покорение галактики не отправили всех лучших представителей человечества с небинарной гендерной позицией, то наш город выглядел бы совсем по-другому. (1) Но то другое! Про Малевича современники говорили, что хоть он и поляк, зато фантазии у него еврейские. (2)

— Это такие древние субрасы?

— Да, раньше они назывались национальностями. Но, поскольку люди тогда не умели нормально эволюционировать, то различались они между собой слабо. Больше по национальным идеям, чем по ДНК.

— Ладно, давай посмотрим, что ещё нарисовал твой Альфонс. — Эл открывает ещё одно окно и вводит в него имя художника. В нём появляются семь цветных прямоугольников, один из которых чёрный. Она зачитывает названия остальных шести картин, и я понимаю, почему квадрат, названный квадратом, обрёл большую популярность среди обывателей.

«Первое причастие страдающих анемией девушек в снежную пору»;

«Уборка урожая помидоров на берегу Красного моря апоплексическими кардиналами»;

«Хоровод пьяных в тумане»;

«Оцепенение новобранцев, впервые увидевших лазурь Средиземного моря»;

«Сутенёры в расцвете сил, пьющие абсент, лежа на животах в траве»;

«Работа с охрой желтушными мужьями-рогоносцами».

Нда... дело явно было не только в национальной идентичности художника и знакомых ему арт-критиков.

— Мне больше всего понравились сутенёры, — говорю, смотря на зелёный прямоугольник.

— А мне хоровод пьяных, — Эл показывает на серый. Спасибо, что познакомил меня с таким выдающимся творцом. Непременно закажу себе репродукции его картин и повешу на стенах Демократии.

Да, она всегда интересовалась древним творчеством.

Смотрю на окно аукциона. Ставки растут. Мы могли бы разбить лот на несколько маленьких, но тогда, была вероятность, что рынок насытился бы раньше, чем мы всё продали. Всё-таки тёмный аукцион больше ориентирован под продажу оружия и артефактов.

— Тогда Демократия сразу перейдёт в класс ресторанов второго уровня.

— Надеюсь, вырученных денег хватит на это... я вообще-то спрашивала тебя о другом.

— Да? А, точно. Раньше, до повсеместного запрета на употребление слова «негр» было такое выражение: «темно как у негра в шопе». Обычно его употребляли в неправильной интерпретации, заменив одну букву в последнем слове. А шопами в те времена, когда негры уже получили свободу, но ещё не имели прав указывать белым, как им нужно жить, называли маленькие магазинчики.

Получившие свободу негры занялись коммерцией. Снимали в аренду небольшие помещения и устраивая в них шопы. Но из-за недостатка денег они находились в подвальных помещениях и освещались керосиновыми лампами. А керосин в те времена был дорог, и продавцы зажигали лампу только когда к ним заходил покупатель. Всё остальное время негры сидели во тьме своих шопов. Вот оттуда и пошло такое выражение.

— Даже не знаю, — задумчиво протянула Эл, — как я жила раньше без этой важной информации.

Мы, молча, продолжили отслеживать ставки. Когда цена дошла до полутора миллионов, её рост замедлился и возростал с минимально допустимым шагом в десять тысяч кредитов.

Вдруг цена резко скакнула сразу до двух миллионов и застыла. Прозвучало три удара гонга и на счёт пришло миллион девятьсот тысяч. Аукцион тоже брал свои пять процентов.

Элая тут же перевела на мой браслет миллион восемьсот пять тысяч кредитов. — Теперь, — посоветовала она, — ты сможешь переехать на спальный этаж топ менеджеров, там барон не сможет тебя достать.

— Если бы он по-настоящему хотел меня убить, то просто прислал бы сюда парочку рыцарей смерти. Нет, он просто так выказал недовольство своему начальнику. А если бы его, наверно, самый слабый киллер смог бы добиться успеха, то это доказало бы, что виды Анубиса на меня, мягко говоря несостоятельны.

Да, — отвечаю на невысказанный вопрос, — я договорился с Анубисом. Если попаду на тест новой эволюционной игры, он простит все мои долги Субботе.

— Нужно только чтобы барон тоже так... хотя, — Эл открыла поверх всех окон новую вкладку с описанием бета-теста, — если пройдёшь в первых рядах и засветишься в новых эволюционных топах, то барон ничего не сможет тебе сделать.

— Ты что-то говорила о двух способах попасть на тест?

— Кроме того, чтобы стать первым в рейтинге, можно добыть пропуск — жетон эволюции. Вроде как они уже могут выпадать с самых сильных боссов. На днях об этом должны объявить официально, но все сильнейшие кланы уже поделили лучшие локации. А на тех, что не смогли поделить, началась мясорубка.

— Посмотри, пожалуйста, локация крепости верховного некроманта, под кем оказалась?

— И смотреть ненужно. Только сегодня в новостях передавали, что туда стягиваются силы сильнейших кланов фракции Смерти, Хаоса, Тьмы, Порядка и Света. Хотя там стопроцентно будет массовое выпадение жетонов, но говорят, что фракции под шумок просто хотят прикончить нового Дракулу. Тоже хочешь поучаствовать? С твоим уровнем там делать нечего. Да и локация уже перекрыта. Ни одному клану не нужны стервятники на поле боя. Сам понимаешь, сейчас для воров будет раздолье.

— Я ведь могу заплатить за проход. У тебя нет связей со стороной Тьмы?

— Нет. От наших участвуют только Ангелы Тьмы со своими наёмниками. Но... тебе так нужно туда попасть?

— Просто я раньше детально изучал устройство цитадели. Не спрашивай зачем, просто от нечего делать. И с таким количеством врагов у меня там есть шанс на ультрабыструю эволюцию. Да ещё и эволюционный жетон может смогу добыть.

— Ты серьёзно говорил об участии в конкурсе тёмного фэнтези?

— Не очень... я просто вспомнил, что год назад написал подходящий рассказ вместо сочинения по литературе на свободную тему.

— Это, после которого тебя направили на освидетельствование к психиатру?

— Возможно. Я уже не помню всех причин.

— Да, он подойдёт. Сбрасывай мне, я отправлю на конкурс. Среди сегодняшних гостей был один из членов жюри. Ты, вроде ему понравился. Это тот, что кричал «прекрасный перфоманс». Он из фракции Хаоса. И если твой рассказ будет достаточно хаотичен, он может тебя провести в ту локацию. Хаоситы никогда не возражают против дополнительных дестабилизирующих элементов в своих планах.

Попробовать можно, как бы дико это не звучало. Высвечиваю большой голографический экран над своим браслетом и начинаю искать своё творчество. Стоит ли отдавать его прямо сейчас или лучше подождать и что-нибудь там отредактировать?

Насколько я помню, Ник записал в виде рассказа, то, что ему как-то приснилось. А, поскольку спал он в тот раз, как и всё остальное время, в капсуле, с точностью воспоминаний проблем не возникло. Посему, редактировать что-то бессмысленно. В том смысле, что больше хаоса, чем есть изначально, я привнести не смогу.

Хм, вот начал вспоминать и задумался. В рассказе Ник писал о Бездне, а ведь он ничего о ней

не знал. Конечно, не факт, что то, что ему приснилось, имело какую-то связь с тем, о чём говорил Анубис. Даже, наверняка, он имел ввиду совершенно другое. Но напрягает, что это был сон во время подключения к Квантуму, а я теперь очень подозрительно отношусь к таким сновидениям.

— Чего задумался? Даже если не пройдёшь в финалисты, то ничего не теряешь.

— Конечно, — движением пальца скидываю в новое окно на стойке свою, точнее никовскую рукопись.

— Конъюнктивит? (3) Что это за название?

— В древности так называли болезнь, при которой у людей краснели глаза. Иногда их путали с зомби и убивали бензопилами (4)...

Сказал и задумался. Неужели тот бред, что нёс Анубис про шаблон героя с бензопилой, не такой уж и бред? Всё происходящее всё больше напоминало мне какой-то хоровод пьяных в тумане.

-----

(1) Космическая экспансия землян с небинарной гендерной позицией и её последствия, упоминается в книге «Воин Света 0 уровня».

(2) Типичный разговор на типичной художественной выставке хаоситов XX века:

— Малевич, он что — еврей?

— Ну, почему вам все время евреи чужды?

— А как же: Малевич, Абрамович, Рабинович...

— Нет, Казимир Малевич — поляк.

— Да? Но фантазии-то еврейские...

(3) Рассказ «Конъюнктивит» опубликован как 6 том.

(4) Так делали в Южном Парке.

<http://tl.rulate.ru/book/28038/2957177>